

Школьная библиотека

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

СУРОВЫЙ ВЕК

РАССКАЗЫ О ЦАРЕ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Сергей Петрович Алексеев
Суровый век. Рассказы о царе
Иване Грозном и его времени
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73217473

*Суровый век : рассказы о царе Иване Грозном и его времени:
ISBN 978-5-08-007513-1*

Аннотация

Как рассказать о такой сложной, противоречивой личности, одной из ключевых в истории России, детям? Сергею Алексееву (1922–2008), известному детскому писателю, историку, это удалось сделать интересно, с опорой на документальные факты. Читатель узнает множество подробностей о жизни России XVI века: военных походах, издании первой русской печатной книги, денежной реформе, успехах первых русских инженеров и многом другом.

Для среднего школьного возраста.

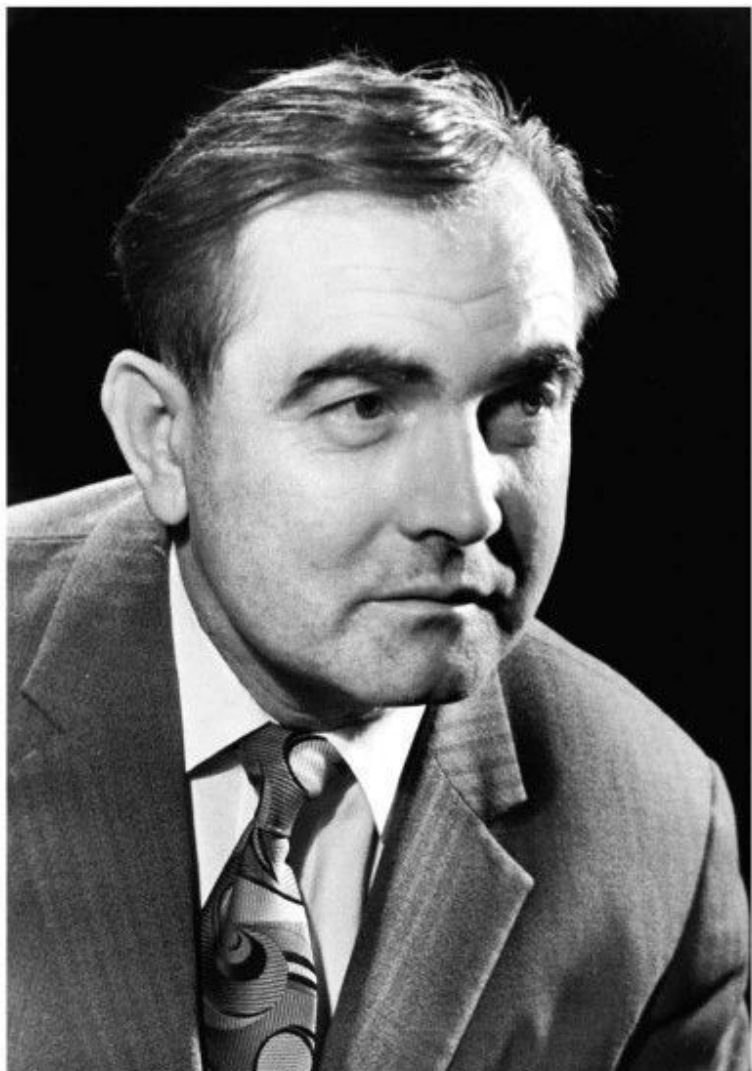
Содержание

«Суровый век» Сергея Алексеева	7
Суровый век	13
Глава первая	15
Подарок индийского царя	15
На троне	17
Карусель	20
Забавы	22
Должность	24
Молодой князь и бояре	27
Сатана	29
Великий князь говорить будет	31
«Искать в России!»	33
Царская деньга	36
Огнем начинается	39
Двойная сила	40
Глава вторая	44
Три похода	44
Свияжск на Свияге	47
«Как каждый из вас решит»	50
Не скривил	52
Арский человек	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Алексеев

Суровый век

**Рассказы о царе Иване
Грозном и его времени**

© Алексеев С. П., наследники, 1990

© Богатырёва Н. Ю., вступ. статья, 2025

© Косульников Б. М., иллюстрации, 2014

© Клепаков А. И., иллюстрации на переплете, 2025

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2025

«Суровый век» Сергея Алексеева

О чем сразу подумаете вы, услышав имя Иван Грозный? Как рассказать о такой сложной, противоречивой фигуре, одной из ключевых в истории России, детям? У Сергея Алексеева это получается сделать мудро, деликатно и правдиво, в соответствии с доказанными историческими фактами. Писателю можно доверять: он добросовестный историк.

Умеет Сергей Алексеев приблизить к нам, людям XXI века, тех, кто жил много веков назад. Вот юный Иван, еще совсем мальчишка, вынужден томиться на скучных государственных приемах. Ему тоскливо, единственное, что его развлекает, – прихотливый полет мухи над головами важных бояр. Немного завидует мухе юный князь: она свободна. Сразу оживает в воображении читателя эта картина: грустный мальчик на троне, лишенный в общем-то детства, напыщенные бояре – и веселая муха. Трогательно и заставляет задуматься о том, что «тяжела ты, шапка Мономаха»... И тут же, через несколько страниц, – свидетельство жестокости юного князя, его бесчеловечные забавы и изощренные расправы с приближенными. А еще через несколько страниц описан его патриотичный поступок. Он выбирает себе в спутницы, вопреки правилам брать в жены иностранок, русскую девушку Анастасию Захарьину. И идет пешком на богомолье в Троице-Сергиеву лавру...

Дальновидным был молодой царь, подлинно государственным мышлением обладал и за родину радел. Ища у сильного соседа помощи от набегов врагов, присоединились к России кавказские княжества, вошли в состав нашей страны многие народы. С какой теплотой и гордостью говорит об этом Сергей Алексеев! «Ширится. Ширится. Крепнет Россия. Далеко разбежались ее границы. Много народов разных под общим небом, под общим солнцем, в общем доме теперь живут». Вот эта идея единства, взаимопомощи всех россиян важна во все времена.

А сколько городов было построено в царствование Ивана Грозного! Курск, Орел, Белгород, Елец, нынешний Волгоград, Самара, Уфа и десятки других!

А что эстонский город Тарту – это русский Юрьев, вы знали? Что эстонская Нарва была российской, вы в курсе? Как и Рига, и Ревель – нынешний Таллинн? И вообще-то эстов – эстонцев – и латышей освобождали от рабской зависимости от немцев-помещиков именно русские в результате Ливонской войны... Обо всем этом – в книге, которую вы держите в руках.

Рядом с историческими фигурами в рассказах и повестях Алексеева всегда действуют персонажи вымышленные, собирательные образы, типичные жители Руси тех времен. Они помогают лучше почувствовать эпоху. И становится ясно читателю: каким бы ни был решительным и целеустремленным царь, не было бы побед под Казанью, Астраханью, на Кавка-

зе, в ливонских землях и над могучим ханом Девлет-Гиреем, если б не русский мужик. Именно они, простые и честные труженики и ратники: Артюшка, Давыдко, Юшка, Несвитай и многие другие, что появляются в рассказах, – шли на труд и на бой не столько из страха перед грозным царем или из желания заработать, но ради любимой родины, Святой Руси. Своей доблестью, преданностью родной земле они укрепляли Русь. Вот о них автор пишет с неизменной благодарностью и сдержанной гордостью.

Особенно выразительно получаются у Сергея Алексеева батальные сцены. В этом читатель убедится, открыв его книги: «Орда. Куликово поле», где есть потрясающее описание Куликовской битвы; рассказы о Суворове; о Великой Отечественной войне... В «Суровом веке» мы словно оказываемся среди русских ратников во время битвы за Казань, видим, с каким мужеством сражались наши далекие предки, и появляется твердая уверенность: раз они такое вынесли, то и мы не подведем!

В книге много деталей того времени. Читатель получит представление о хозяйственной, экономической, культурной жизни России XVI века, об устройстве тогдашней армии. Узнает об издании первой русской печатной книги Иваном Фёдоровым, денежной реформе, появлении копейки, успехах первых русских инженеров... Это настоящий учебник истории – только не сухой и обезличенный, а написанный вроде бы простым языком, лаконичным и в то же время на-

певным, как в народных песнях и сказках. Чеканным, внятным стилем.

Но если та часть книги, которая посвящена походам и победам русской армии, наполняет гордостью, то от заключительных глав – про создание опричнины, бессудные расправы царя над боярами, про разгром Новгорода – пробегает холодок по спине.

Писатель объясняет «лютость» царя детскими обидами на бояр, особенным складом личности, общей жестокостью эпохи (по всей Европе лютовали короли и прочие «власть предержащие»). Он не пытается оправдать царский произвол, даже если это и объясняется государственными интересами, а максимально объективно излагает факты. Но это не сухой, бесстрастный отчет. Строки книги согреты живым человеческим участием и к судьбе грозного царя, и к судьбам его современников. Царь Иван Грозный каялся перед смертью, вспоминая замученных им людей. И не наше дело судить и выносить ему приговор – словно говорит читателю Сергей Алексеев. Но чем больше ты узнаешь о той эпохе и ее людях, тем больше у тебя поводов задуматься, сопоставить с сегодняшним днем и, может быть, стать терпеливее и мудрее.

Заканчивается книга – суровая, как и весь описанный в ней период, – светло и обнадеживающе. Да, впереди у России – Смутное время. Об этом книга Сергея Алексеева «Цари и самозванцы. Рассказы о Смутном времени». Будут еще у на-

шей страны тяжелые испытания, но всё одолеют наши люди, прогонят чужаков с родной земли и выберут всем миром нового царя из династии Романовых, при которых Россия расцветет, станет мировым лидером во многих областях... но это уже другая история, рассказанная автором в других сборниках.

Сергей Петрович Алексеев (1922–2008) в своей жизни воплотил две мечты: об авиации и изучении истории. До войны занимался в аэроклубе, поступил в авиационное училище в городе Поставы (Западная Белоруссия), вместе с однокашниками-курсантами участвовал в первых боях с фашистами в июне 1941-го. Именно поэтому он, имевший фронтовой опыт, с таким знанием дела описывал в своих книгах сражения, которые на протяжении столетий вела Россия с агрессорами. В 1944-м окончил вечернее отделение исторического факультета Чкаловского (ныне Оренбургского) педагогического института. Вместе с методистом и историком В. Г. Карцовым они написали учебник «История СССР: Учебная книга для 4 класса» (1955), по которому занимались несколько поколений советских школьников. Уже в этом, казалось бы, сугубо официальном методическом материале отчетливо был виден особый стиль подачи Алексеевым исторической информации: образно, увлекательно, энергично. А вскоре С. В. Михалков, оценив этот учебник, выделявшийся на фоне школьной учебной литературы выразительностью стиля, предложил Алексееву написать на этот раз художественную

историческую книгу для детей. Так появился сборник рассказов «Небывалое бывает», в которой начинающий писатель сделал удачную попытку рассказать детям о сложной и противоречивой личности Петра I и его эпохе.

Во всех последующих своих книгах Сергей Алексеев вел доверительный и честный разговор с юными читателями о самых острых и драматичных периодах русской истории, исподволь вселяя в сердца гордость за свою страну, ее людей, как выдающихся военачальников и политиков, так и простых тружеников, на которых, собственно, и держится страна.

Повесть в рассказах (излюбленный жанр С. Алексеева) «Суровый век. Рассказы о царе Иване Грозном и его времени» впервые вышла в 1990 году. В 2025-м она звучит неожиданно остро и актуально, перекликаясь с нынешним суровым – XXI веком.

Наталья Богатырёва, кандидат филологических наук, преподаватель МПГУ

Суровый век

Рассказы о царе Иване Грозном и его времени

В 1530 году у великого русского князя Василия III родился сын. Назвали его Иваном.

Сложное время переживала тогда Россия. Прошло всего пятьдесят лет с той поры, когда страна освободилась от более чем двухвекового ига золотоордынских ханов.

Народы, населяющие нашу страну, хотели видеть свою родину сильной и передовой для своего времени державой. Много сделал, укрепляя Русское государство, великий князь Василий III. Продолжить дело отца предстояло сыну.

При Иване IV границы России еще больше расширились. Наша родина стала складываться как многонациональное государство. Начали осваиваться новые земли, строиться новые города. Поощрялась торговля. Менялось многое и в управлении самим государством. Стали едиными мера веса и мера длины. Была выпущена единая для всей страны монета – копейка. Приступили к созданию географической карты России. Была выпущена первая печатная книга.

Россия рвалась на запад к торговым путям, к Балтийскому морю. Ливонские рыцари мечтали о западных русских

землях. В 1558 году между Россией и Ливонией началась ожесточенная война. Получила она название Ливонской и продолжалась более двадцати лет.

Об Иване Грозном, о времени, в котором он жил, и написаны эти рассказы.

Глава первая

Великий князь говорить будет

Подарок индийского царя

Индийский царь подарил русскому царю Ивану Васильевичу Грозному слона.

Слон был учен. Умел кланяться.

Везли слона долго и осторожно. Много опасностей подстерегало в пути. Поднимались в горы. Спускались в долины. Переправлялись через широкие реки.

День за днем. День за днем. Двигался караван. Шли проводники и погонщики. Шел слон.

Солнце всходило и заходило. Страшную жару сменяли холода. Чередовались то знойные, то леденящие ветры. С неба срывались грозы. Бушевали дожди и ливни.

День за днем. День за днем. Более года двигался караван. Шли проводники и погонщики. Шел слон.

Прибыл гигант в Москву.

Сбежался народ смотреть на заморскую невидаль. Поражались люди:

- Размером с боярский терем.
- Кишка вместо носа.
- Как опахало уши.

Наступил момент представить слона царю. Вышел царь Иван Васильевич Грозный. Поднял на слона тяжелые, свинцовые веки.

Предупрежден был царь, что слон учен – умеет кланяться. Ждет государь поклона.

Но вдруг заупрямился слон.

То ли непривычно было ему на новом месте. То ли устал с дороги. Стоит слон, даже в сторону царя не смотрит.

Помрачнел царь. Нахмурился. Напряглись, сжались, как клещи, руки. Понимают приближенные государя: собираются в царю недобрые силы.

Подбежал индус-погонщик. Что-то прокричал на своем языке слону.

Вместо поклона хлопнул ушами слон.

Вновь прокричал погонщик. Даже палкой упряма кольнул под брюхо.

Не поклонился слон. Лишь свернул в запятую хобот.

– У-у, животное! – кто-то бросил из царских слуг.

Стоит царь Иван Васильевич Грозный. Стоит перед ним упрямец. Зреет, зреет Иванов гнев.

Минута.

Минута.

Еще минута.

Не поклонился ученый слон.

Повернулся Иван Грозный к стражникам. Поднял свинцовые веки.

Подбежали к слону царские слуги, избили, иссекли при всех непокорного.

Успокоился грозный царь.

На троне

Рос Иван IV без отца, а затем и без матери. Умер великий князь Василий III – отец Ивана Грозного, когда Ивану было всего три года. Умерла мать – княгиня Елена Глинская, когда сыну исполнилось семь с половиной лет.

После смерти Василия III, в трехлетнем возрасте, Иван и был провозглашен великим князем Иваном IV.

Нерадостным оказалось Иваново детство. Не детским. Другие ребята в кости, в горелки играют.купаются в реке Неглинке, в Яузе, в Москве-реке. У великого князя Ивана IV – государственные дела.

Вот и сейчас. В Кремле, в каменных палатах, идет посольский прием. Слева и справа полукругом стоят бояре. В центре на троне восседает мальчик – великий князь.

Вручают послы свои посольские грамоты. Произносят какие-то слова, обращаясь к князю.

Неинтересны Ивану послы и их речи. Сидит он задумчивый. Взгляд отсутствующий. Мысли где-то далеко-далеко от этих каменных плит, от этих посольских камзолов и бородатых боярских лиц. Кажется, вот-вот – и Иван расплачется. Но вдруг оживился великий князь: то прожужжала муха.

Стал следить он за мухой. Села та на боярина Ивана Бельского. Запуталась в бороде.

Отогнал боярин муху. Вновь зажужжала она над посоль-

скими и боярскими головами. Продолжает наблюдать за ней князь Иван, гадает, на кого теперь сядет муха: на боярина Воротынского, Оболенского, Мстиславского? Вот бы села на князя Ивана Шуйского.

Не любит великий князь Иван князя Ивана Шуйского. Шуйских несколько. Кроме Ивана есть еще князь Василий Шуйский, есть еще князь Андрей Шуйский. Иван Шуйский сейчас из них по положению в государстве самый старший. Он же и самый из них противный.

Заметил Иван Шуйский, что великий князь сидит беспокойно, послов не слушает, всё глазами по сторонам бегают. Глянул на великого князя искоса, строго.

Сжался Иван от этого взгляда. Сидит теперь смиренно. Смотрит прямо перед собой, делает вид, что слушает посольские речи.

Однако прошло несколько минут, и вновь муха привлекла Иваново внимание. Летела она теперь как раз в сторону князя Ивана Шуйского.

Стоит Шуйский. Важный. Дородный. Борода до пояса конским хвостом свисает. На голове, как сковорода, большая лысина.

Гадает великий князь Иван: пролетит муха мимо Шуйского, не пролетит? Вот бы села на боярскую лысину. Поравнялась муха с Шуйским. Сделала круг. Уселась, и как раз на боярское темя. Оживился Иван. Смотрит на муху. И кажется ему, что и та на него смотрит. Улыбнулся Иван мухе. И муха

великому князю в ответ улыбнулась.

Тряхнул в это время Шуйский головой. Слетела с головы муха. Метнулась к открытому окну – на свет, на волю. Проводил ее Иван грустным взглядом.

Сидит великий князь Иван IV на троне. Печальный-печальный. Слушает посольские речи.

Карусель

Поражался простой народ. Что ни год – из Кремля, из дворцовых палат, всё новые и новые вести тайной молвой разносятся.

Сразу же после смерти Василия III зашевелилось боярство. Каждому поближе к власти стать хочется. Момент удачный. Великий князь Иван IV малолеток, недоросль. При таком-то князе, конечно, советчик нужен. Много желающих стать советчиками, а еще лучше быть первым – первосоветчиком, первосоветником.

Удачливее других оказался князь Овчина-Телепнёв-Оболенский. Дороден он с виду. Умом не глуп. Он и вышел на первое место.

Перешептывается московский люд:

– Сила в руках у Телепнёва-Оболенского. Овчина теперь за главного.

Однако недовольны другие бояре, что власть досталась Овчине-Телепнёву-Оболенскому.

– А мы чем хуже?!

Выбрали бояре момент. Скинули князя Овчину-Телепнёва-Оболенского. Заковали в оковы, бросили в страшное подземелье. Умер в оковах, в темнице князь.

Власть в стране перешла к боярам, к совету, состоявшему из самых именитых, к Боярской думе. Вышли теперь на первое место князь Иван Бельский и князья Шуйские. Однако не возникло между ними согласия. Князь Иван Бельский и его сторонники были за то, чтобы в России усиливалась власть великого князя и в своем единении государство крепло. Шуйские и их приближенные – за то, чтобы ограничить власть великого князя, чтобы и другие князья и бояре право на власть имели.

Началась тогда между Бельским и Шуйскими борьба.

Шепот идет по домам, по московским улицам:

– Бельский осилит Шуйских. Бельский!

Но рядом с этими слышны и другие речи:

– Шуйские станут над Бельскими. Шуйские! И верно.

Осилили Шуйские Бельского. Брошен в темницу Бельский.

Прошло недолгое время. Снова шепот ползет по домам, по московским улицам:

– Выпущен Бельский. Всё же Бельский осилил Шуйских.

И верно. Выпущен из заточения Бельский. Первым советником ходит Бельский.

Не утихает борьба между боярами. Прошло два года, и новая новость плывет по городу:

– Сброшен, не удержался Бельский. Снова у власти Шуйские.

И верно. Организовали Шуйские заговор против Бельского. Не удержался у власти Бельский.

Догоняет новость одна другую:

– Сослан на Белоозеро Бельский. Посажен в тюрьму, в заточение.

И сразу за этим:

– Скончался в заточении Бельский. Людишками Шуйских в тюрьме прикончен.

Одержали Шуйские верх над Бельским. В первосоветниках ходят Шуйские.

Крутится, крутится карусель.

Забавы

Высоко над городом поднялись княжеские терема. Островерхими крышами уперлись в небо. У одного из теремов собрались люди. Задрали головы. Смотрят вверх.

По крутому наклону крыши лезет мальчишка. Ужом извивается. Чудом держится.

Вот соскользнула нога.

Вздрогнули люди.

Вот не удержалась рука.

– Ах! – вырвался общий вздох.

Цепок мальчишка. Всё выше и выше смельчак поднима-

ется.

– Великий князь, великий князь, – перешептываются внизу люди.

Интересно народу смотреть на забавы великокняжеские. Все больше и больше людей у терема. Идут пересуды:

– Долезет.

– Сорвется.

– Считай, повернет назад.

Упорен мальчишка-князь. Хоть и скользит, хоть и срывается, а лезет, лезет и лезет вверх.

Вот на середину крыши уже поднялся. Поправил торбы-мешки, висящие через плечо.

– Что там в мешках у князя? – гадают люди.

– Непонятное что-то...

Вновь заработал руками, ногами мальчик.

– Долезет! Долезет!

И верно. Добрался до верха великий князь. Добрался. Уцепился. Надежно держится.

Глянул сверху на людей, на землю. Взгляд отсутствующий, возбужденный. Словно бы смотрит вниз и ничего не видит.

Потянулся рукой к одному из мешков. Запустил в него руку. Что-то вытащил.

Что там в руках у князя?

– Так это же кот!

– Кажись, он.

– Вон и уши, и хвост кошачий.

Взял князь беднягу, бросил на крышу, на острый скат. По-
неся мурлыка, словно камень с высокой кручи.

Слетел он с крыши, на землю шлепнулся. Удачливым кот
оказался. На ноги упал, на ногах удержался. Очумело мотнул
головой вправо, влево. Бросился в соседний проулок, словно
крутым кипятком ошпаренный.

Улыбнулся сверху зловеще князь.

Потянулся ко второму мешку Иван. Снова люди впились
глазами.

– Никак, псина?

– Так и есть.

– Вона и уши, и хвост собачий.

Размахнулся князь, швырнул и собаку с высокой крыши.
Не оказался барбос удачливым. Слетел он с крыши. О землю
ударился. Расшибся. Лежит, не дышит.

Смотрят люди туда – наверх, на крышу высокого терема.
Смотрят сюда – на землю.

– Эх ты, забавы княжеские...

Должность

Освободилась в служебных государственных верхах важ-
ная должность.

Место и почетное, и доходное. Предстоит новое назначе-
ние.

Заволиновались в боярских и княжеских семьях. Много претендентов на эту должность.

– Нам бы на должность. Нашему роду, – идут разговоры в семье князей Таракановых. – Мы, Таракановы, всех важней. Наш род о-го-го с какого века и дороден и славен. Не было б Москвы – не будь Таракановых. Не было бы Руси – не будь Таракановых. Нашему роду – должность! – твердят Таракановы.

И под крышей дома бояр Бородатовых тоже идут пересуды:

– Нет других, чтобы нас важнее. Наш пращур Додон Бородатый на Куликовом поле еще воевал. Наш предок Извек Бородатый в Ногайские степи ходил походом. Наш прадед Тарах Бородатый при великокняжеской псовой охоте в дружках при великих московских князьях ходил.

И пошло, и пошло, и поехало.

Получается – нет достойнее бояр Бородатовых. От них, от Бородатовых, кто-то и должен вступить на должность.

И в усадьбе бояр Кологривовых всё тот же – о должности – разговор:

– Нам, Кологривовым, место сие уготовлено. Кому, как не нам. Кто же знатнее, чем мы, Кологривовы? Нет рода древнее, чем мы, Кологривовы. Нет рода богаче, чем мы, Кологривовы. Не допустит Господь, не допустит, чтобы нас обошли на должность. Первое право – наше.

Собрались вместе затем бояре в высшем совете, в Бояр-

ской думе. Решали вопрос о должности, о хорошем служебном месте, то есть, как в старину говорили, «местничали».

Рядили бояре. Гудели. Шумели. Кричали. Обиды старые вспоминали.

Не кончились ссоры речами, глотками. Дело дошло до рук.

Таракановы вцепились в бороды Бородатовых. – Мы важнее!

Бородатовы – в бороды Кологривовых.

– Мы важнее!

Кологривовы за грудки трясли Таракановых. – Мы самые, самые, самые важные!

А так как были еще и другие, которые о той же мечтали должности, то превратилась Дума в кромешный ад.

Накричались. Вспотели. Охрипли бояре.

Решился всё же вопрос о должности. Нашелся самый из них дородный. Он и занял высокий пост.

А умен ли?

А смышлен ли он?

А умел ли в делах служебных?

Об этом не было речи. Не это, по боярскому разумению, главное. Не по уму, не по делу – по чину ступай на должность.

О, бедная, бедная, бедная должность!

Молодой князь и бояре

Невзлюбил юный князь Шуйских, возненавидел. Немало обид и унижений перенес от них молодой Иван.

Самолюбив, памятлив на обиды великий князь. Не простится боярам прошлое.

Еще в тот год, когда князья Шуйские выступили против князя Бельского, один из приближенных Бельского спрятался от преследователей в спальне спящего Ивана. Ворвались сторонники Шуйских в спальню, разбудили, перепугали мальчика.

На всю жизнь запомнилась Ивану IV эта ночь. И топот чужих ног, и крики, и собственный страх.

Запомнил Иван и тот день, когда в одну из комнат великокняжеского дворца вошел князь Иван Шуйский, бесцеремонно уселся на лавку, оперся на постель Иванова отца, великого князя Василия III, даже ногу на нее положил.

Глянул на князя Ивана Шуйского исподлобья маленький Иван, глазенки налились гневом.

Самолюбив, памятлив на обиды великий князь. Не простится боярское непочтение.

Укрепив свою власть, Шуйские и вовсе перестали считаться с мнением Ивана. Однажды другой князь из рода Шуйских, Андрей, будучи в хмельном состоянии, даже руку пытался поднять на молодого князя.

Не думали бояре, что подросток-князь неожиданно проявит крутой характер. Терпел, терпел Иван. И вдруг... Случилось это из-за Фёдора Воронцова. Приблизил к себе Иван боярина Фёдора Воронцова. Милым он оказался ему человеком.

Видят Шуйские, молодой Иван всё время рядом с Воронцовым держится. При разговорах с другими всё о Фёдоре Воронцове говорит.

И умен Воронцов. И красив Воронцов.

И характер – не злой, а ласковый.

Заволновались Шуйские. А вдруг из-за такого к нему внимания Фёдор Воронцов силу большую приобретет в государстве. Решили отдалить Воронцова от великого князя. Даже пытались его убить. Иван заступился за любимого человека. Неохотно отступили Шуйские. Убить Воронцова не убили. Однако всё же сослали подальше от Москвы, от Ивана на Волгу, в город Кострому.

Случай с Воронцовым и оказался для Шуйских роковым. Не отступил Иван, не смирился с их решением. Кликнул к себе псарей. Приказал схватить ставшего к тому времени самым могущественным из всех Шуйских – Андрея Шуйского.

– Не смей! – кричал князь. – Я Шуйский.

Не послушались псари. Выполнили Иванов приказ – забили до смерти князя Андрея Шуйского.

Задумались бояре. Поняли: время приходит грозное.

Было великому князю Ивану IV в ту пору тринадцать лет.

Сатана

Отправилась как-то бабка Марефа к бабке Арине в гости. Заболела бабка Арина – в поясице, в костях ломило. Несла ей бабка Марефа квас, пироги и сбитень. Прошла вдоль улицы, обогнула часовенку на бугре, вошла в проулок – и вдруг... Смотрит бабка: что-то в белом саване верстой немереной на нее движется. Неземное что-то ступает. Неведанное.

Вскрикнула, ойкнула бабка. От страха на землю подкошенным колосом рухнула.

Переступило чудище через бабку. Дальше пошло верстой. Отлежалась, вскочила бабка Марефа. Мчала домой, как молодая.

– Сатана! Сатана! – кричала.

Возвращался как-то кузнец Кузьма Верёвка домой от дружка своего, Басаргí Подковы. Хорошее настроение у Кузьмы. Долго сидели они с приятелем. О жизни, о прошлом, о будущем говорили. Угощал Басарга Кузьму медовым настоем. Хорош настой у Басарги Подковы.

Шел Кузьма – и вдруг... Смотрит: что-то в саване белом верстой немереной на него движется. Замер Кузьма от страха. Неземное ступает что-то. Неведанное.

Поравнялось загадочное с кузнецом. Задело саваном. Чем-то стукнуло по голове. Рухнул Кузьма на землю.

Переступило чудище через Кузьму, дальше пошло верстой.

Отлежался Кузьма. Поднялся. Мчал рысакom под родную крышу.

– Сатана! Сатана! – кричал.

Разнеслось по Москве, по домам, по площадям, по улицам:

– Сатана! Сатана явился!

Отважные оружейные мастера из пушечной слободы решили схватить Сатану.

Поймали. Потянули за белый саван. Слетел саван. Под ним ходули. На ходулях – великий князь.

Пали ниц перед ним мастера. Лежат. Удалился великий князь.

Поднялись мастера. Переглянулись. Перекрестились. Кто-то сказал:

– Свят, свят.

А затем все вместе – зло и решительно:

– Сатана.

Продолжаются Ивановы увлечения. То пронесется он с ватагой дружков-приятелей верхом на конях по московским улицам. Берегись в такие минуты городской народ. Заезаешься – под копыта, под конские взмахи ляжешь.

То ворвется с той же ватагой на торжище. Миг – и разбой на торжище. Полетела с прилавков мясная и огородная снедь. От побитых горшков и посуды – черепки и гора

Осколков.

Привыкли московские жители к забавам великокняжеским:

– Сатана!

Великий князь говорить будет

Боярин Афанасий Бутурлин имел острый и злой язык. Не может Бутурлин удержаться, чтобы не сказать о ком-нибудь нехорошего или колючего слова.

Еще когда Шуйские были в силе, «Разбойники!» – называл всех Шуйских.

Нелучшие слова говорил и о князе Бельском. – И этот – разбойник. Вурдалак! Встретишься с ним на большой дороге – без ножа зарежет.

Великую княгиню Елену Глинскую, мать Ивана IV, и ту и хитрой лисой, и змеей называл. Даже про молодого великого князя, случалось, не удержится – недоброе бросит. Правда, не громко, не вслух. А лишь при надежных, доверенных людях.

– Послал нам Господь звереныша.

А еще любил боярин Бутурлин при любом разговоре всегда первым выпрыгнуть, по любому поводу свое мнение первым высказать. Другие бояре только еще прикидывают, что бы сказать, а он тут как тут – готовы слова бутурлинские. Вот и великого князя повадился боярин перебивать.

Посмотрел на него однажды косо великий князь Иван. Посмотрел второй раз косо. Что-то, видать, в уме отметил.

Нужно сказать, что боярин Афанасий Бутурлин такой был не один. И другие бояре наперед великого князя лезли. И у этих свои советы, свои мнения. Едва поспевает молодой князь крутить головой налево, направо. Советы и наветы то одного, то другого боярина слушать.

В 1545 году великому князю Ивану исполнилось пятнадцать лет. По порядкам того времени это считалось совершеннолетием.

В Кремле торжественно отмечался день рождения Ивана IV. Зашел разговор о делах государственных. Не удержался боярин Афанасий Бутурлин, по старой привычке и здесь первым сунулся.

Грозно посмотрел на него великий князь. Не заметил этого Бутурлин. Ведет себя, как глухарь на току, – ничего не видит, ничего не слышит. Словами своими, всякими советами и наставлениями упивается.

Нахмурились Ивановы брови. Хоть и юн, а глаза свинцом налились.

На следующий день великий князь Иван вызвал своих приближенных и приказал отрезать язык боярину Бутурлину. Узнали другие бояре. Притихли. Ясно: не им теперь лезть с речами, с советами.

Великий князь говорить будет.

«Искать в России!»

Великому князю Ивану исполнилось шестнадцать лет. Наступило время жениться.

Рано женились в те годы. Подоспела пора заводить семью и молодому князю.

Забегали приближенные. Засуетились. Непростое дело жениться князю, к тому же великому.

Многое надо учесть. Многое предвидеть. Как правило, великие князья брали себе в жены заморских принцесс – дочерей королевских или царских фамилий или родовитых иностранок.

Вот и мать самого Ивана, Елена Глинская, была дочерью князя Глинского, из Великого княжества Литовского, и родственницей сербских правителей.

И мать великого князя Василия III, отца Ивана, Софья Палеолог, тоже была иностранного происхождения, племянницей византийского императора.

Ищут приближенные заморских принцесс. Прикидывают:

– Кто там есть из невест во французском королевстве?

– Кто там есть из невест в немецких княжествах?

– Кого присмотреть на земле греческой, земле сербской, польской или чешской?

И вдруг:

– Не хочу иноземной принцессы, – заявил великий князь Иван. – Желаю найти невесту в России.

Пытаются приближенные объяснить ему про старые порядки:

– Так ведь такое ведется издавна, испокон веков. Вот и батюшка твой великий князь Василий третий, и дед...

– Искать в России! – грозно повторил князь Иван.

Пришлось приближенным невесту искать в России. Разъехались гонцы в разные концы Русского государства. Стали отбирать в невесты великому князю самых знатных, самых красивых девушек.

В Москве состоялись смотрины. Выстроились невесты в ряд. Идет вдоль ряда молодой князь. Выбирает себе суженую.

Остановился князь Иван около девушки, которую звали Анастасией.

– Захарына, – кто-то назвал фамилию.

– Вот, – указал на девушку пальцем князь. Видного рода девушка, знатного. Еще в XIV веке ее предок, Андрей Ко-

была, в числе русских знатных людей ходил.

Обвенчали в соборе Ивана и Анастасию Захарьину по тогдашним законам. Пропели священники им здравицу и пожелали счастья на долгие годы.

Свадьбу праздновали несколько дней. Молодые выходили на площади Кремля, представлялись народу.

Бойко идет веселье. Еще бы и дольше праздновали. Да вдруг прервал князь Иван буйные пиры:

– Хватит!

Решил он вместе с молодой супругой отправиться в далекую Троице-Сергиеву лавру и там помолиться Богу.

Запрягли им княжеский возок. И вновь поразил всех великий князь.

– Нет, – замотал головой Иван.

Решил он отправиться пешком. Неблизко Троице-Сергиева лавра, семьдесят верст от Москвы.

Зима. Ветер срывается стылыми вихрями. Шагает великий князь Иван. Шагает великая княгиня Анастасия.

Верста за верстой. Верста за верстой. Ложится под ноги земля Русская.

Царская деньга

Любимке Ноздре досталась золотая деньга. Прямо с неба деньга свалилась...

Когда Ивану IV исполнилось шестнадцать лет, еще одно

важное событие произошло в жизни и самого Ивана, и всего Русского государства. Заявил молодой князь:

– Хочу венчаться на царство.

До этого Русским государством управляли великие князья.

И отец Ивана IV – Василий III был великим князем.

И дед Ивана IV – Иван III был великим князем.

Иван IV пожелал назваться царем.

Крутой поворот начинался в стране. Кончалось княжество на Руси. Царская власть создавалась. Венчание на царство Ивана состоялось в Кремле, в Успенском соборе. Собрались сюда бояре, князья, священники самых высоких санов. Вокруг храма сгрудился народ.

– Что там?

– Венчание на царство.

– Как же это понять?

– Государева власть крепчает.

Стоит Иван IV в храме. Застыл. Свечи горят. Мерцают лампы. Лица святых с икон и со стен смотрят. Митрополит, старший из священнослужителей, благословляет царя. Надевает ему на голову знаменитую шапку Мономаха. И сразу за этим пожелание многолетия государю:

от духовенства,

от бояр и князей,

от народа.

Кончилось богослужение. Стал царь Иван выходить из со-

бора. И тут посыпались вдруг на него золотые монеты. Два знатных боярина, стоя на возвышении, бросали деньги. Сыпались они золотым дождем на лестницу, на ступени, на каменные плиты у входа в храм.

Это было пожеланием богатства стране и успехов царю.

В этот момент и появился у Успенского собора Любимка Ноздря. Видит, у входа в собор толпа. Ускорил шаг. Подошел вплотную.

– Что там, любезные?

– Венчание.

– Кого?

– Князя Ивана.

– На что?

– На царство.

– Как же сие понять?

– Государева власть крепчает.

Видит Любимка: выходит из храма великий князь.

– Царь, царь! – понеслись голоса.

Прошел царь – прямой, молодой, высокий.

Выждали люди момент, второй. Бросились к каменным плитам, к ступеням храма. Потянулись к монетам. Блестит на ступенях, на плитах золото. Переливается. Досталась и Любимке золотая денюга.

Зажал он денюгу в ладони.

– Царская!

Был 1547 год. Начиналась в России новая пора. Стал ве-

ликий князь Иван IV называться царем Иваном IV.

С него и пошли на Руси цари.

Огнем начинается

Ездил Осирка Рябой под Звенигород к брату, а когда вернулся домой в Москву – нет дома. Сгорел дом, даже трубы не осталось.

Страшные пожары произошли в Москве в тот памятный 1547 год. Невиданные.

Первый из них вспыхнул 12 апреля. Загорелась в центре города одна из торговых лавок. За ней вторая, третья. Затем запылала Никольская улица. Пробышевал пожар вплоть до стен Китай-города. Пробышевал. Успокоился.

Прошла неделя, и снова огонь побежал по московским улицам. Вспыхнул на этот раз он за рекой Яузой. Это трудовая окраина города. Жили здесь гончары и кожевники. По-неслось, заплясало пламя по мастерским, по домам, по подворьям. Оставило груды пепла и плач обездоленных.

Хоть и великий был урон от двойного огня в апреле, однако самые страшные беды ожидали москвичей впереди. Прошел май, к исходу шагал июнь. И тут...

Не видел Осирка Рябой пожара. Прибыл из-под Звенигорода на пепелище. Уезжая, оставил Москву Москвой, вернулся – мертва красавица.

Вспыхнул огонь на Арбатской улице. Ветер гулял в те ча-

сы над Москвой. Вмиг добежало пламя до стен Кремля. Перепрыгнуло стены. Заметался в Кремле, как в западне, огонь. Обдало кремлевские площади жаром. Большинство строений в Кремле в те годы были деревянными. Вспыхнули терема и кремлевские палаты еловым лапником. Расхохотался, радуясь силе своей, огонь. Гигантским кострищем взметнулся в небо.

Накалились кремлевские стены. А в стенах пороховые склады. Порох стал взрываться. Ломал, крошил стены. Адский грохот стоял над городом.

Завершив расправу с Кремлем, огонь побежал по московским улицам.

Идет, идет по Москве огонь.

– Господи, помилосердствуй!

Не жалеет огонь людей.

– Господи, помилосердствуй!

Более тысячи жителей погибло в пламени.

Смотрит Осирка на пепелище:

– Вон оно – царство. Огнем начинается.

Двойная сила

– Глинскую! Глинскую!

– Анну Глинскую!

– Волхову!

Четыре дня разносил ветер пепел с московского пожа-

рища. На пятый день заволновалась, зашумела трудовая Москва. Пошли голоса:

– Москву подожгли!

И шепотом, шепотом от одного к другому:

– Дело рук Глинских. Глинские подожгли.

Князья Глинские – родственники царя Ивана IV. Юрий и Михаил Глинские – родные братья скончавшейся матери Ивана, Елены Глинской. Анна Глинская – родная бабка царя Ивана. Недобрую славу сыскали среди народа князья Глинские. Пользуясь близостью к Ивану, стали Глинские незаконно богатеть, кичиться и злоупотреблять своим положением. Против царской родни и поднялся теперь народ.

Восставшие двинулись в Кремль. Михаила Глинского не было в это время в Москве. Бабка Ивана, Анна Глинская, узнав о народном возмущении, из Москвы бежала. Хотел бежать и дядя царя, Юрий Глинский. Но не успел. Спрятался в Кремле, в Успенском соборе.

Сидит он за крепкими церковными стенами. «Сюда-то, в святую обитель, черный народ не сунется», – рассуждает Глинский.

Однако восставшие не уstraшились. Окружили они Успенский собор.

– Там он, там!

– Хватай вора! – неслись голоса.

Ворвались в собор люди. Разыскали Юрия Глинского. Выволокли на площадь.

Накипело в народе. Много обид приняли они и от Глинских, и от других бояр.

– Смерть!

– Смерть! – неслись голоса.

Кто-то схватил камень, бросил в боярина.

– Смерть!

– Смерть!

Забили люди до смерти камнями Глинского.

Не закончилось на этом народное возмущение. Кто-то пустил слух, что во всем виновата царева бабка, Анна Глинская. Мол, старая княгиня с нечистой силой связана, что она «волхова». Нашлись люди, которые подтвердили, что, прикинувшись сорокой, летала она над Москвой и какой-то огненной водой разносила пожар по городу.

Народ повалил в село Воробьево, где в это время находился молодой царь. Все решили, что здесь укрылись и царские родственники. Стали восставшие требовать от Ивана выдачи княгини Анны и Михаила Глинских.

– Волхову! – кричали люди. – Волхову!

Царь был напуган. Растерялся. Приготовился и сам к смерти. Однако Ивана восставшие не тронули.

С большим трудом удалось приближенным царя убедить людей, что тут нет Глинских. Уговорили они горожан разойтись по домам.

Прошло несколько дней. Москва утихла. Жители успокоились.

Молодой царь не простил восставших. Приказал он схватить зачинщиков. Казнили их люто и всенародно.

Царь победил. Однако долго еще не забывалось ему московское возмущение. Долго еще, просыпаясь, вздрагивал Иван по ночам. Пугал вскриком своим молодую жену Анастасию.

– Боярство – сила. В народе – двойная сила, – шептал Иван.

Глава вторая

На востоке, на юге

Три похода

1545 год. Начался первый поход войск Ивана IV против Казани.

Идут войска. Идет и Угрюм Нога. Вернее, не идет, а плывет. Плыли русские войска на судах. Продвигались к Казани несколькими отрядами, разными путями – по рекам Волге, Каме и Вятке.

Неудачей закончился этот поход. Воеводы между собой не договорились. Отряды действовали разрозненно. Устояло Казанское ханство.

Вернулся Угрюм домой.

– Ну, ну, где же Казань?

Объясняет Угрюм:

– Мы бы побиили, да воеводы – врозь.

Усмехаются люди:

– Ани́ки-воины! (Это значит – плохие воины.)

Прошло два года. 1547 год. Снова русское войско двинулось на Казань. Снова в походе Угрюм Нога. Войска выступили зимой, в декабре месяце. Во главе похода сам царь Иван. Ему семнадцать лет.

И вновь неудача. Дошли войска до Владимира, до Нижнего Новгорода. Здесь, у Нижнего Новгорода, в феврале стали переправляться через Волгу. Однако наступила сильная

оттепель. Лед стал рыхлым. Не выдержал. Многие пушки и люди провалились, пошли на дно. Царь вернулся в Москву. И хотя московское войско дошло до Казани, хотя и обратило отряды казанского хана в бегство, однако штурмовать Казань не решилось. Простояв у города семь дней, воеводы повернули обратно.

Вновь вернулся Угрюм домой.

– Ну, ну, где же твоя Казань?

Объясняет Угрюм:

– Мы бы побии. Да зря, что поход – зимой.

Усмехаются слушатели:

– Аники-воины!

Прошло еще два лета. 1549 год. Ноябрь. Тронулись в третий поход войска. И снова Нога в походе. И снова царь во главе похода.

И вновь неудача. Опять начались оттепели. Даже дожди просыпались. Реки вскрылись. Дороги пришли в негодность. Обозы отстали. Подвоз продовольствия прекратился.

Прибыл Иван IV под Казань. Ходил хмурый. Смотрел на талую землю, на серое небо, на непролазь.

Тут, под Казанью, у берега Волги, и попался Угрюм Нога на глаза государю. Хотел он побыстрее от царя улизнуть в сторонку, однако Иван опередил:

– Завоюем Казань?

Замялся Угрюм.

– Ну, ну!

– Завоюем! – гаркнул Угрюм Нога.

Ушел в свои мысли Иван. Затем произнес, то ли для себя, то ли для тех, кто был рядом с ним в царской свите, то ли для Угрюма:

– Видать, не велит Господь.

Кто-то, бывший в царской свите, осмелился:

– Оно бы летом, по-сухому, по-теплому, государь.

– По-теплому, – поддакнул Угрюм Нога.

Глянул грозно царь на советчиков. И одного и другого как ветром в секунду сдуло.

Было это на десятый день прихода русских к Казани. Прошел еще день. Отдал царь приказ прекратить осаду города. Повернули войска домой.

Пришагал снова Угрюм в Москву.

– Ну, ну, где же твоя Казань?

Сплюнул Нога с досады.

Смеются люди:

– Аники-воины!

Свияжск на Свияге

Люди князя Пронского были согнаны на княжеский двор. Стоят среди других Артюшка, Давыдко и Юшка.

Приказ брать топоры, брать пилы. Собираться в дальнюю дорогу.

– Куда нас? – гадают Артюшка.

— Куда нас? — гадают Давыдко.

— Куда нас? — гадают Юшка.

И по другим боярским и княжеским поместьям собирали людей. Сошлось несколько сотен. Вместе с лошадьми и телегами погнали их в далекий Угличский уезд.

Леса здесь дремучие. Сосны и ели высокие. Как сторожевые башни, стоят дубы.

Начали лес валить. Падают, падают, падают зеленые великаны.

— Куда же столько? — гадают Артюшка.

— Куда же столько? — гадают Давыдко.

— Куда же столько? — гадают Юшка.

Понял Иван и царские воеводы после своих неудач под Казанью, что без хорошей подготовки город не возьмешь. Особенно важно недалеко от Казани иметь надежное место для хранения пушечных и оружейных припасов и продовольствия.

В двадцати километрах выше Казани в Волгу впадает река Свияга. Вот оно, отличное место. Тут, в устье реки Свияги, Иван IV и приказал строить крепость. Получила она название Свияжск.

Для строительства новой крепости и нужен был лес, который рубили в верховьях Волги.

Ясно Артюшке, ясно Давыдку, ясно Юшке, ясно другим, зачем их пригнали сюда, под Углич.

Дела важные, считай, ратные. Стараются люди.

Быстро идет работа.

– Поспешай! Поспешай!

– Не зевай! Не зевай!

По приказу царя лес не только рубили. Здесь же, под Угличем, специальные мастера готовили отдельные части Свияжской крепости. В разобранном виде эти части спустили в Волгу, связали в плоты. Тронулись плоты вниз по течению.

Плывут Артюшка, Давыдко и Юшка.

Уставился Артюшка в небо.

– Хорошо!

Уставился Давыдко в воду.

– Хорошо!

Смотрит Юшка на проплывающие мимо волжские берега.

– Хорошо!

Отдыхай, ратные люди.

Прошли плоты мимо Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода. Вот и река Свияга.

Только приткнулись плоты к берегу, как тут и закипела вся работа.

– Поспешай! Поспешай!

– Не зевай! Не зевай!

Быстро построили люди крепость. Всего за четыре недели. Немалых размеров крепость. Величиной не в пятак, не в ладонь. В длину она тянулась почти на километр. В ширину на 610 метров. Высота стен Свияжской крепости достигала восьми метров. Через каждые 70–95 метров соору-
жа-

лась башня. В стенах были проделаны бойницы. Во многих местах в два этажа, в два яруса. Стены крепости строились необычно: собирались они в виде отдельных срубов, которые затем засыпались камнями и землей.

Ладно идет работа.

– Поспешай! Поспешай!

– Не зевай! Не зевай!

Как в сказке, вырос Свяжск на Свяге.

«Как каждый из вас решит»

Летом 1552 года русские войска вновь подступили к Казани.

Впереди шел ертаул – легкоконный полк. Выполнял он роль разведывательного отряда. Легки на ногу кони в этом полку. Ловки и быстры наездники. За ертаулом шагает посошная рать – специальные отряды, которые создавались для починки дорог. Они же строили мосты, а если надо, прокладывали гати через сырые места и болота. Вслед за Ертаульным полком и посошной ратью двигались Передовой, Царский, Большой и Сторожевой полки. Это главная, ударная сила войска. По обе стороны от Царского полка шли полки Правой илевой руки.

Грозная сила идет к Казани.

Но и Казань ведь немалая сила.

Был в русском войске Несвитай Сукно. Не новичок он.

Боец бывалый. Уже дважды ходил к Казани. Пока шагали долгие версты, Несвитай всё про Казань рассказывал.

– Стоит она, – говорил Несвитай, – на Казанке-реке. Пять верст от нее до Волги.

Действительно, в те годы Волга не подходила, как сейчас, к самому городу, а протекала примерно в пяти километрах от стен Казани.

– А кроме речки Казанки есть еще речка Булак, – продолжал Несвитай. – Вот как раз тут, где впадает Булак в Казанку, и поднялась Казань. А по ту сторону, за Казанью, – Арское поле и Арский лес.

Потом начинал про крепость.

– Стены дубовые, – говорил Несвитай. – Тянутся в два ряда.

Слушают другие, задают вопросы:

– Как – в два ряда?

– Как ремень на портках, а поверх кушак, – объяснял Несвитай.

Действительно, Казань была окружена двойным крепостным кольцом. Между одной стеной и второй, внутренней и наружной, расстояние составляло несколько метров. Промежуток был засыпан камнями и глинистым илом. Получалась как бы единая крепостная стена, ширина которой превышала восемь с половиной метров. – Так как же пушки стену такую возьмут?! – удивлялись слушатели.

– Умельством, умельством, – отвечает бывалый воин.

Улыбаются ратники.

– А стоит Казань на приподнятом месте, – продолжал Несвитай и уточнял: – Словно шапка на лысом темени.

Улыбаются ратники:

– Так скинем шапку.

– Скинем!

– А перед стенами – глубокий ров, – стал рассказывать о новом теперь Несвитай. – А перед воротами тарасы.

И тут же про тарасы: мол, это деревянные срубы, заполняемые землей. Ставят их перед воротами, чтобы защитить городские ворота от огня неприятельской артиллерии.

– Ясно.

Подошли войска к Казани. Верно – город шапкой поднялся над ровным местом. Верно – дубовые стены его опоясали. Верно – ров. Верно – тарасы.

Стоит Казань. Приготовилась к бою.

Ратники к Несвитаю:

– Будет победа, не будет?

– Будет так, как каждый из вас для себя решит, – ответил загадкой воин.

Не скривил

Защищая от русских крепость, казанцы разделили свое войско на две части. Одна из них укрылась за стенами Казани. Другая, которой командовал хан Япанча, расположилась

недалеко от города, в Арском лесу, за Арским полем.

Перед началом штурма Казани Иван IV собрал военный совет. Выступают царские воеводы. Слушает царь Иван.

Вот поднялся первый воевода. Говорит он, что надо и русские войска разделить на две части. Бóльшая, основная, пусть осаждает Казань. Вторая пусть постарается разбить воинов Япанчи перед стенами города. Опасен Япанча, объясняет воевода. Укрылся в Арском лесу, угрожает он с тыла русским. Даже если ворвешься в Казань, Япанча со спины ударит.

Второй воевода выступил. И этот говорит о том же.

Третий выступил. Третий тоже, чтобы разделить русские полки.

— Опасен хан, — в один голос говорят воеводы. — Надо с него начинать.

Согласен с таким мнением царь Иван. Командовать войсками, которым предстояло вступить в сражение с Япанчой, был назначен воевода Александр Борисович Горбатов-Шуйский.

Зашевелилось русское войско. Двинулось к Арскому лесу. Идет вместе с другими Никита Петух. Голос у Петуха звонкий. Смеются соседи:

— Пропоешь, прокричишь победу!

Втянулись русские в лес. Набросились на них воины Япанчи. Завязалась упорная сеча. Бьются русские. Бьются казанцы. Шлет налево, направо удары Никита Петух. Шлют удары

другие ратники.

Однако чем дальше бой, тем яснее: не осият всё же русские казанских воинов.

– Братцы, вперед! Братцы, вперед! – кричит Никита Петух.

Не получилось вперед у русских. Еще немного – и начали русские отступать. Отходят, отходят. Вот уже и на Арском поле. Отходят, отходят. Вот уже и на исходном месте. Захлебнулась атака русских. Не устоять им в жаркой, упорной схватке. Давит на них хан Япанча. Ясно ему: миг – и победу схватит. И вдруг...

Что такое? Несутся по полю всадники. Присмотрелся Петух.

– Наши! – закричал. – Наши!

Оказалось, вступив с казанцами в бой, Горбатов-Шуйский пошел на хитрость. Не всех своих воинов послал он в атаку на Арский лес. Большую часть воевода укрыл в засаде. Да и задача у тех, что пошли на лес, была не в том, чтобы разбить неприятеля, а в том, чтобы выманить воинов Япанчи из леса на открытое место. И вот теперь, когда оказались казанцы на Арском поле, дал Горбатов-Шуйский команду выйти войскам из засады. Устремились они вперед.

– Наши! Наши! – не перестает кричать что есть силы Никита Петух.

Отрѣзали русские казанцев от Арского леса. Завязалась упорная битва. Не устояли казанцы. Дал сигнал хан Япанча

к отходу. Да перекрыты пути назад.

Разбил на Арском поле казанцев воевода Горбатов-Шуйский.

Стали ратники разыскивать Никиту Петуха:

– Петух! Петух!

– Кричи победу!

Не откликается Никита Петух. Сложил он свою голову, погиб в жаркой схватке на Арском поле. Много и русских и казанцев тогда погибло.

Доволен одержанной победой царь Иван.

Пропели удачу полковые дудки.

Довольны победой и ратники. Говорят, вспоминая хитрый маневр воеводы Горбатова-Шуйского:

– Хоть по фамилии он и Горбатов, а в бою не скривил, всё, что надо, исправно сделал.

Стал воевода Горбатов-Шуйский первым героем Казанской битвы.

Арский человек

Случилось это за Арским полем, в Арском лесу. Когда ворвались сюда боевые отряды воеводы Горбатова-Шуйского, среди ратных русских людей были и Путила Мешок, и Евсей Зерно.

В сражении с казанцами и Путила и Евсей были тяжело ранены.

Откатилась битва из леса на Арское поле. Остались в лесу побитые и недобитые.

Неизвестно, сколько времени прошло. Пришел в себя Путила: «Где я? Что со мной?» Не сразу и вспомнил, что была битва, что в бою ранен. Попытался подняться – не может.

Посмотрел – рядом человек. Показалось Путиле, человек чем-то ему знакомый. Присмотрелся внимательно: так это ж Евсей.

– Евсей! – затормошил он приятеля.

Шевельнулся Евсей. Чуть приоткрыл глаза, чуть голову приподнял:

– Путила!

Отлежались они, решили выбираться из леса. Пытались подняться – не могут.

– Надо ползком, – предложил Путила.

Согласился Евсей. Однако люди по характеру были они поперечные.

Предложил Путила ползти в одну сторону.

– Нет, – говорит Евсей, – поползли в эту, – и показывает в сторону как раз противоположную.

Не сговорились они. Направились в разные стороны. Однако проползли метр, два и снова от ран забылись.

Появился в это время в лесу незнакомый человек. Увидел он Путилу. Нагнулся.

Пришел Путила опять в себя. Приоткрыл глаза. Видит человека.

– Евсей! – закричал Путила.

Замотал отрицательно человек головой.

– Нет.

– Кто же ты? – спрашивает Путила.

– Арский я человек, – ответил незнакомец.

Вскоре он заметил и второго русского воина. Подошел человек к Евсею. Наклонился. Тронул за плечо. Приоткрыл тот глаза.

– Путила!

Замотал отрицательно человек головой.

– Нет.

– Кто же ты? – спросил Евсей.

– Арский я человек, – ответил незнакомец.

Трудно сказать: выбрались ли бы Путила и Евсей сами из леса. Или навеки в лесу остались. А вот незнакомец им помог. На плечах вытащил. Уложил у самой кромки леса. Тут их и подобрала русские ратники.

– Евсей!

– Путила!

– Мы самые.

Стали ратники интересоваться, как они, Евсей и Путила, здесь оказались.

– Человек добрый вынес.

– Как его звать?

Молчит Путила. Молчит Евсей. Не знают, как звать незнакомого человека.

– Как звать? – повторили ратники.

Пожимает плечами Евсей. Пожимает, поводит плечами Путила.

– Арским человеком назвался, – наконец произнес Путила.

– Арским назвался, – сказал Евсей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.